

К гастрोलю Московского
Центрального театра кукол

РУКОТВОРНОЕ ЧУДО

Помню концертные выступления Сергея Образцова еще перед войной, в конце 30-х годов. То с небольшой, поставленной на сцене ширмочкой, из-за которой появлялись и начинали свою удивительную жизнь куклы, а то и без нее, с одной только надетой на палец кукольной головкой, которая неожиданно оживала и оказывалась чрезвычайно симпатичной — с нею можно было без конца вести разговор.

Звали эту симпатичную куклу Тяпой. Образцов укладывал Тяпу спать, баюкал ее, а неугомонная Тяпа, совсем уже было успокоившись, вдруг опять, словно подброшенная невзвидной пружинкой, бойко поднималась. И вновь нужно было ее укладывать, баюкать. А мы забывали, что перед нами кукла. Нам, зрителям, нравилась проказливая Тяпа, нам было интересно к ней.

Или над ширмой появлялась жгучая брюнетка в черном платье. Неистово потрясая косами, она кротно и угрожающе исполняла арию Кармен. И снова зал, теперь уже пораженный остротой пародийного рисунка, непрекращаемой его достоверностью, рукоплескал, требовал повторения номера.

Вспоминается необычайно талантливое и выразительное пародирование С. Образцовым Вертинского, песенка, сочиненная им «за Вертинского», в которой сердце «дирического героя» пронзал «острый французский каблук». При исполнении пародии неожиданно в действие вступали руки С. Образцова — кукла застыла, а на край ширмы, высунывшись из рукавов кукольного одеяния, ложилась его гибкие, выразительные руки. И то ли от контраста между этими крупными руками и самой кукольной фигурой, то ли в силу каких-то других неведомых законов искусства, в которых магическое «чуть-чуть» играет такую важную роль, сатирический образ, созданный артистом, вырастал в беспощадный гротеск, разящий все прошлое.

Уже в тех, теперь давних выступлениях явственно пропущала сатирическая и комедийная суть дарования Сергея Образцова.

Можно еще вспомнить, как в те годы на детские спектакли вдруг стали валом валить взрослые. Как с увлечением смотрели они веселую сказку о храбром, находчивом и верном Коте в сапогах, покоренные прямо-таки солнечной яркостью и брызжущей через край жизнерадостью спектакля, красочной, неугомонной фантазией его создателей. Уже тогда можно было ожидать, что вскоре в театре С. Образцова появятся спектакли «совсем для взрослых», потому что все увиденное носило на себе след неутомимого и талантливого поиска нового. Поисков того, как вывести куклу в большую жизнь.

Этот поиск, пожалуй, характернейшая черта, определяющая стиль работы театра С. Образцова. Проходит какой-то срок, и мы видим на его сцене не просто очередную постановку, новый спектакль, а опять — произведение искусства, отмеченное стремлением все большего проникновения средствами кукольного театра в действительность. Мы видим воспроизведение этой действительности в разнообразнейших ракурсах, с применением все новых и новых, созданных могучей, яркой фантазией приемов кукольной «техники». От спектакля к спектаклю расширяется круг жизненных явлений, на которые обращен луч веселого, проникновенного и, несмотря на условность, подлинно реалистического искусства этого театра.

Каждая встреча с коллективом, руководимым народным артистом СССР Сергеем Образцовым, — настоящий праздник. Он незабываем. И сегодня, когда театр гостит в Риге, в памяти невольно всплывают давние радостные минуты и часы, проведенные в притихшем зале, какое-то особое, просветленное чувство, «унесенное нами с тех встреч».

От ранних выступлений С. Образцова с очевидной ясностью прослеживается нить, ведущая к спектаклю «Необыкновенный концерт». Он показан зрителям уже более трех тысяч раз, 17 лет не сходит со сцены. Сколько прошло перед глазами за это время других, «настоящих» концертов. Концертов не очень плохих и действительно хороших. И все-таки они позабылись, умерли в памяти, больше не ждешь их повторения. А этот «Необыкновенный концерт», пародирующий «нагоящие», высмеивающий штампы, мешанские навыки и рутину на сцене, живет, стал подлин-

ным явлением в искусстве. Что ни фигура, появляющаяся на сцене, то своеобразный колоритный образ. В множестве деталей, с блестящим артистизмом вплетенных в обрисовку каждого образа, куклы, уже и так характерно и выпукло вылепленные, оживают. И в буфонде сменяющихся персонажей, в гротескном преображении перед нами открывается жизнь, подсмотренная острым глазом талантливого художника. Мы смеемся вместе с авторами спектакля — создателями кукол и актерами над пошлостью, глупостью, рутинной.

Секрет неотразимого обаяния сказочных спектаклей, таких, как «Чертова мельница» И. Штока и Я. Дрды, так же, по существу скрыт не только в виртуозном, поистине вдохновенном мастерстве исполнителей, оживляющих куклы, не только в красочной фантазии и бесконечной изобретательности авторов постановки, но и во множестве достоверных реалистических деталей, которые щедрой рукой рассыпаны по всем эпизодам. Они заставляют нас вдруг увидеть в облике самоуверенного молодого черта, явившегося на землю с инспекционным заданием, какие-то черточки вполне реальных лиц. Мы не можем не смеяться при виде «адской» канцелярии над затрапезностью «деревенских чертей». Какой это веселый и озорной спектакль! А сколько из таких в репертуаре театра С. Образцова!

Волшебную силу миру кукол сообщает жизнь — то, насколько художник сумеет напиться ею свое творение. Она — слово живая вода, творившая чудеса в народных сказках. В театре Сергея Образцова эта живая вода настоящего большого искусства на наших глазах совершает подлинное чудо.

...Куклы, пронзая последние реплики, исчезают за ширмой. Спектакль окончен. И только теперь, серьезные и усталые, в рабочих комбинезонах, появляются на сцене артисты. З. Гердт, С. Самодур, В. Смирнова, Н. Меркулова, Я. Спьянова, М. Петрова, К. Гуркин, В. Кусов — их много, тех, кто до той поры был невидим, но кто вселял в куклу душу, заставлял ее жить своею самостоятельной жизнью, делал ее неповторимо своеобразной. И мы с благодарностью вглядываемся в лица артистов, все время остававшихся невидимками, чтобы подарить нам радость, сотворив своими руками подлинное чудо искусства.

В. Берце